

Людмила Посохова

Харьковский национальный университет

Акты православных коллегиумов Украины XVIII века. „Западная” традиция и имперские реалии

Словосочетание «православный коллегиум» может вызвать вопрос у читателя, поскольку говоря о коллегиумах, как правило, имеют в виду католические учебные заведения. В действительности „коллегиум” стал трансконфессиональной образовательной моделью, в том числе отразившей синтез культурных традиций Запада и Востока Европы. Рождение такого феномена как „православный коллегиум” произошло в ходе трансфера и адаптации европейских образовательных форм. Православные коллегиумы, о которых пойдет речь, возникшие на украинских землях в XVII–XVIII вв., имели генетическую связь с иезуитскими коллегиумами Речи Посполитой. Она проявлялась в схожести организационной структуры, в наличии таких же „классов” (школ), порядка их прохождения (классы грамматические, поэтики, риторики, философии и богословия), а также в программе образования (фактически сориентированной на «Ratio Studiorum»). В конфессиональном отношении это были разные учебные заведения. Православные коллегиумы стали ярким проявлением развития украинской культуры в раннее Новое время, олицетворяя встречу культурных традиций Запада и Востока Европы. Наиболее известным православным коллегиумом является Киевский (Могилянский). Как известно, уже к середине XVII в. выдающийся деятель православной церкви, киевский митрополит Петр Могила (1596–1647) сумел успешно адаптировать некоторые западноевропейские образовательные формы¹. Становление Черниговского, Харьковского и Пе-

¹ Petra Mohyły dotyczy obszerna historiografia, w której rozpatruje się także kwestie związane z Kolegium Kijowskim (I. Ševčenko, *The many worlds of Peter Mohyla*, „Harvard Ukrainian Studies” 1984, 8, s. 9–44; Frank Sysin, *Peter Mohyla and the Kiev Academy in Recent Western Works: Divergent view on seventeenth century Ukrainian culture*, „The Kiev Mo-

реяславского коллегіумов походило с учетом успешного опыта Киевского коллегіума, но уже под влиянием культурных, политических и социальных условий, которые сложились в XVIII в. на украинских землях, входивших в состав Российской империи. Эти учебные заведения были основаны соответственно в 1700, 1726, 1738 гг.² Важно отметить, что православные коллегіумы в Российской империи существовали только на украинских землях.

Акты православных коллегіумов в полной мере отражают культурно-образовательные традиции Западной и Центральной Европы, под влиянием которых они возникли, а также новые условия, процессы, происходившие на украинских землях Российской империи в это время. Именно противостояние/взаимодействие „западной” традиции и имперских реалий, проявившееся в актовой документации, стало объектом данного исследования. Наиболее наглядно эти явления выражены в актах, которыми были закреплены привилегии и оговаривались некоторые особые права православных коллегіумов. Такая документация прежде всего позволяет изучать особенности коллегіумов как институтов и механизмы, обеспечивавшие „вписывание” коллегіумов в определенную систему образовательных заведений и социальную структуру общества. Постановка этой исследовательской задачи сегодня важна и потому, что в украинской историографии в последние два десятилетия широко распространилось мнение о том, что в XVII–XVIII вв. был сформирован „украинский тип образования”, походило „становление национальной школы высшего типа”³. При таком подходе, конечно, речь не идет о выявлении влияния общеевропейских образовательных традиций и культурного взаимодействия.

hyla Academy Harvard. *Ukrainian Studies*”, Cambridge 1984; L. Sharipova, *Latin books and the Eastern Orthodox clerical elite in Kiev, 1632–1780*, Manchester 2006. Оцену Akademii Kijowskiej w historiografii, patrz: А. Ю. Андреев, *Начало университетского образования в России в отечественной и зарубежной историографии*, „Отечественная история” 2008, № 4. Opublikowano znaczny zbiór dokumentów aktowych i kancelaryjnych (patrz np: *Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии*, Kijów 1904–1916).

² Szczegółowo o kolegiach prawosławnych patrz: Л.Ю. Посохова, *На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.*, Charków 2011.

³ Patrz np.: О. Пахльовська, *Кієво-Могилянська академія як фактор формування національної самобутності української культури*, [w:] *Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність*, wyd. 5: *Prosophoneta: історичні та філологічні розвідки, присв. 60-річчю академіка Я. Ісаєвича: зб. наук. праць.*, Lwów 1998, s. 461; *Історія української культури: в 5 т., т. 3: Українська культура другої половини XVII–XVIII століть*, Kijów 2003, s. 431.

Между тем, прекрасно известно, что в Речи Посполитой, в том числе и на украинских землях, в XVI–XVII вв. успешно действовало немало гуманистических школ, которые являли собой всеевропейский тип школы, основанный на идеале *pietas litterata*, „просвещенного благочестия”, „вращения” христианской души на тщательно подобранных примерах латинской литературы. Такие школы получили широкое распространение во многих европейских странах, их принципы и программы были настолько похожими, что исследователи делают вывод о существовании универсальной европейской школьной культуры⁴. В Речи Посполитой эти школы были представлены протестантскими гимназиями и иезуитскими коллегіумами. Последние имели особенный успех и их количество быстро увеличивалось. Иезуитские коллегіумы появились и на тех украинских землях, которые входили в состав Речи Посполитой: в Галиции (Ярослав, Львов, Крессно), на Волыни (Луцк, Острог), на Подолье (Каменец, Винница, Бар), в Приднепровье (Киев), на Левобережье (Переяслав (1635), Новгород-Северский (1636)). Особо отметим два последних города, так как именно в них в XVIII в. возникли православные коллегіумы. В 1635 г. переяславский староста Лукаш Жулкевский составил фундаментальный акт, на основании которого в Переяславе вскоре была открыта школа. В 1636 г. иезуитскую резиденцию в Новгороде-Северском основал киевский кастелян и новгородский староста Александр Писочинский. Школа с классом грамматики появилась в 1636 г., вскоре открылись и другие классы, включительно с пиитикой⁵.

Говоря о традициях составления фундаментальных актов и подобных документов, важно отметить, что со временем некоторые из коллегіумов Речи Посполитой получили академический (университетский) статус. Привилегии Виленской академии обеспечивались соответствующими документами короля, папы римского, сейма. Замойская академия получила академические привилегии от высшей церковной (1594 г.), затем и королевской власти (1600 г.). Известно также и „дело Львовской иезуитской коллегіи” 1661 года, которое знаменовало стремление оформить академический статус. Среди студентов этих академий и иезуитских коллегіумов, было немало выходцев из украинских земель, в том числе и тех, которые стояли у истоков Ки-

⁴ Н. Яковенко, *Латинське шкільництво і „шкільний гуманізм” в Україні кінця XVI – середини XVII ст.*, „Київська старовина” 1997, № 1/2, s. 11–13.

⁵ Т. Шевченко, *Єзуїтське шкільництво на українських землях останньої чверти XVI – середини XVII ст.*, Lwów 2005, s. 139–144.

евской академии⁶, а позже и других православных коллегий. Историки образования уже отмечали, что именно этот „тип академий” стал ориентиром для Киево-Братской коллегии на пути приобретения ею академического статуса⁷. По устоявшейся традиции Киево-Могилянскому коллегияму необходимо было получить привилегии от королевской власти, зафиксировать право академического суда над профессорами и студентами, включить в курс преподавания высшие науки (философию и богословие). Важным шагом на этом пути было официальное юридическое признание, полученное по Гадячскому трактату 1658 г.⁸ Таким образом, понятно, что руководство Киевского коллегияму было хорошо знакомо с практикой составления и содержанием актов, подтверждавших академические права учебного заведения в Европе.

В новых исторических условиях, после бурных событий Хмельниччины, важными вехами в истории академии стали грамоты от московской власти. Царской грамотой от 11 января 1694 г. коллегияму подтвердил право преподавать высшие науки, его руководству предоставлялось право суда над студентами, без какого-либо вмешательства военных и светских чиновников⁹. Петр I грамотой от 26 сентября 1701 г. подтвердил предыдущую грамоту¹⁰. Можно согласиться с уже прозвучавшими выводами о том, что с получением этих грамот и при реальном расширении учебной программы Киевский коллегияму приобрел статус, отвечавший статусу учебного заведения университетского типа, который сложился в Западной Европе в предшествующие столетия, а его программа вполне сопоставима с теми запад-

⁶ Patrz na ten temat: H. Gmiterek, *Młodzież Kijowszczyzny w Akademii Zamojskiej (1595–1784)*, „Український археографічний щорічник” 1999, nr 3/4, s. 230–241; H. Gmiterek, *Promocje doktorskie w Akademii Zamojskiej*, [w:] *W kręgu akademickiego Zamościa*, red. Henryk Gmiterek, Lublin 1996, s. 225–248; Г. Гмітерек, *Молодь з українських земель в Замойській академії в XVI–XVII століттях*, „Соціум. Альманах соціальної історії” 2003, nr 2, s. 11–21.

⁷ Н. И. Петров, *Киевская академия во второй половине XVII века*, Кіјów 1895, s. 115.

⁸ З. І. Хижняк, *Киево-Могилянська академія. Правовий статус (1615–1819 рр.)*, „Наукові записки”, Національний університет „Киево-Могилянська академія” 1998, т. 3, Historia, s. 100; М. Яременко, *Чи був 1701 р. рубіжним для Могилянської академії у сприйнятті київських професорів XVIII ст.?* [w:] *350-lecie Unii Hadziackiej (1658–2008)*, red. T. Chynczewska-Hennel, Piotr Kroll i Mirosław Nagielski, Warszawa 2008, s. 623–624.

⁹ *Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов*, т. 2, Кіјów 1846, s. 320–321.

¹⁰ Tamże, s. 325–334.

ноевропейскими университетами, в которых существовали философский и богословский факультеты¹¹.

Безусловно, можно рассуждать о том, насколько в реальной жизни Российского государства этот статус отвечал университетским образцам Западной и Центральной Европы¹², что в самом тексте грамоты 1701 г. параметры судебного иммунитета установлены в очень узких границах, которые дают основания говорить о „призрачности автономии”¹³. Для понимания принципов составления этих актов в Российской империи важно наблюдение и о том, что само название „академия” в царской грамоте 1701 г. могло быть результатом механического перенесения фраз из просьбы могилянцев и киевского митрополита¹⁴. При этом, безусловно, важно учитывать и то, как само московское правительство в XVII-XVIII вв. трактовало статус академии (достаточно вспомнить судьбу „Привилея” Московской академии, автором которого был Сильвестр Медведев), и насколько культурная ситуация и потребности Московского государства позволяли воспринимать академическую свободу в ее европейском понимании. Эти вопросы требуют выяснения содержания ряда историко-правовых терминов и того, как трактовали и применяли эти термины в разное время представители академических кругов и представители власти. В этой связи справедливы замечания историков образования о том, что существуют трудности оперирования традиционной терминологией при определении понятия „университет”, которые особенно проявляются в Восточной Европе (хотя и применительно к другим регионам также не всегда легко найти универсальные критерии)¹⁵. В подтверждение этого вывода можно сказать, что в различных актах Киево-Могилянскую академию именовали без всякой системы (и „коллегией”, и „киевскими школами”). При всех этих тер-

¹¹ Д. Вишневецкий, *Киевская академия в первой половине XVIII столетия*, „Труды Киевской духовной академии” 1903, № 9, с. 66; Hilde de Ridder-Symoens (Eds.), *A History of the University in Europe*, Vol. 2: *Universities in Early Modern Europe (1500–1800)*, Cambridge 1996, с. 48; М. Попович, *Нарис історії культури України*, Київ 2001, с. 248; Л. Заштовт, *Людвік Яновський і початок польських досліджень історії університетів Російської імперії*, [w:] Л. Яновський, *Харківський університет на початку свого існування (1805–1820)*, Charków 2004, с. XXX.

¹² См.: Н. Яковенко, *Київські професори за лаштунками Гадяцької угоди (про спробу перетворення Могилянської Колегії на університет)*, [w:] *350-lecie Unii Hadziackiej (1658–2008)*, red. T. Chynczewska-Hennel, Piotr Kroll i Mirosław Nagielski, Warszawa 2008, с. 305–326.

¹³ М. Яременко, *dz. cyt.*, с. 636–637.

¹⁴ Там же, с. 635–636.

¹⁵ В. Фрийхоф, *Начало Нового времени: Паттерны*, „Alma Mater” 1999, № 3, с. 43.

минологических неопределенностях, современные историки университетского образования предложили достаточно взвешенное определение понятия „университет” применительно к раннему Новому времени, которое основывается на результатах исследований истории образования в Европе. Университеты/академии трактуются как учреждения, которые были основаны властью определенной территории и выдавали дипломы, которые признавались церковной и светской властью¹⁶. Ориентируясь на это определение, очевидно, что привилегии, предоставленные Киево-Могилянской академии и получившие соответствующее закрепление в актах, изданных государственной и церковной властью Российской империи, являются важными свидетельствами его высокого статуса.

Учитывая то, что в XVIII в. в Российской империи появилось три новых православных коллегиума, преподаватели которых в свое время учились и преподавали в Киево-Могилянской академии, возникает вопрос насколько они ставили задачи достижения академического статуса для этих учебных заведений? Насколько руководство Черниговского, Харьковского и Переяславского коллегиумов применило опыт Киевской академии и использовало полученные ею акты как образец? Исследование актов документации православных коллегиумов показало, что их руководители сделали несколько важных шагов по традиционному пути оформления корпоративных прав. Как им это удалось в условиях Московского государства? Дело в том, что в конце XVII в. полномочия архиереев в сфере создания школ в епархии не регламентировались законодательными актами государства или Московской патриархии. В этом смысле архиереи действовали в рамках своих представлений и ценностей, ориентируясь именно на примеры тех учебных заведений, в которых они учились и преподавали.

Истоки Черниговского коллегиума связаны со „школами”, которые в Новгороде-Северском основал епископ Лазарь Баранович (1620–1693) сразу после назначения его на эту кафедру. Известно, что он учился в Киево-Братском коллегиуме, Виленской академии, был ректором Киево-Братского коллегиума. Позже он перевел школу в Чернигов. Один из первых актов, в котором упоминается школа – грамота московского патриарха Адриана, которой в 1694 г. Феодосий Углицкий утверждался архиепископом Черниговским¹⁷. В тексте гра-

¹⁶ Hilde de Ridder-Symoens (wyd.), dz. cyt., s. 80.

¹⁷ *Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов*, cz. 1, t. V, Kijów 1872, s. 395–403.

моты фиксировалось важное право преподавать в школе „свободные науки”¹⁸. Уже эта грамота свидетельствует, что черниговские иерархи ориентировались на тот опыт, которым обладало руководство Киевской академии, добиваясь признания и поддержки со стороны православных патриархов (в 1620 г. иерусалимский патриарх дал несколько грамот Киевскому братству, в которых упоминал и благословил школы¹⁹). Конечно, в конце XVII в. черниговские иерархи пребывали в других реалиях, но стремление зафиксировать признание со стороны московских патриархов можно рассматривать как осознанные шаги местного архиерея к юридическому оформлению школы, путем получения признания высшей церковной властью в соответствии с устоявшейся традицией. При этом в актовой и делопроизводственной документации Российской империи в XVIII в. православные коллегии также именовали по-разному – „коллегией”, „коллегиумом”, „академией”, „черниговскими (харьковскими переяславскими) школами”, „славяно-латинской школой”, „архиерейской школой”, „семинарией”. Изучение бытования и применения названий в разных средах, литературных памятниках имеет важное значение, однако в данном случае сосредоточим внимание на актовых документах.

Говоря об оформлении прав тех коллегий, которые возникли уже в XVIII в., Харьковского и Переяславского, нужно сказать несколько слов о „Духовном регламенте”²⁰ – законодательном акте, которым регулировалась церковная жизнь Российской империи в XVIII–XIX вв. В этом акте (утвержденном 25 января 1721 г.) с большей четкостью по сравнению с предшествующими актами, были определены вопросы образования, его общественной пользы и значения, предложена „схема” основания школы, даны некоторые практические рекомендации. Автор документа Феофан Прокопович описал основы функционирования школ, правила организации учебного процесса, направления воспитательной работы. При всей важности этого акта, он не был проектом, который можно было реализовать в Российской империи в ближайшее время. Георгий Флоровский справедливо подметил, что „Духовный регламент” был скорее размышлением, а не уложением, приближаясь к политическому памфлету, мани-

¹⁸ Там же, с. 400.

¹⁹ З. І. Хижняк, dz. cyt., s. 99.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [dalej: ПСЗРИ], Sankt Petersburg 1830, t. 6 (1720–1722), № 3718.

фесту, был декларацией новой жизни²¹. При внимательном прочтении разделов закона, которые касаются школьного дела, становится очевидно, что план открытия духовных школ был выписан с недостаточной степенью детализации конкретных действий ответственных лиц. Статус „академии” в документе выглядит совсем „не академичным” в сравнении с правами и привилегиями, которые были в то время у Киево-Могилянской или Московской академии (этот статус вообще не оговорен специально, хотя его можно „составить” из отдельных позиций, рассредоточенных по разным параграфам). „Духовный регламент” проектировал систему духовных школ империи, низшим уровнем которой должны были стать архиерейские школы, высшим – академия. Обязанность основывать архиерейские школы в епархиях была возложена на архипастырей (они должны были это делать за счет епархиальных средств). „Регламент” зафиксировал государственную инициативу в создании „академии”, но не определил, какая академия, где и когда будет создана. Само слово „академия” употреблялось в документе как название учебного заведения, а под словом „семинария” имелась в виду бурса-интернат (помещение) при ней.

„Духовным регламентом” не предусматривалось государственного обеспечения школ, и это надолго затормозило их открытие, вплоть до того времени, когда им были определены штатные оклады²². Не менее веской причиной было медленное восприятие модели „латинской” школы, которая выглядела „чужой” для великороссийских регионов. В этой связи примечателен законодательный акт, который выпал из поля зрения историков образования. 31 мая 1722 г., спустя год после принятия „Регламента”, был принят закон, которым были значительно снижены требования к организации епархиальных школ²³. По этому закону архиереям разрешалось основывать всего лишь элементарные (грамматические) школы. Именно поэтому в первой половине XVIII в. программа большинства епархиальных школ империи была очень далека от начертаний „Духовный регламент”, в них преподавали лишь славянскую и латинскую грамматику²⁴. Но даже значительно снизив требования к организации школ, высшая духов-

²¹ Г. Флоровский, *Пути русского богословия*, Кіjów 1991, s. 84–85.

²² М. Владимирский-Буданов, *Государство и народное образование в России XVIII века*, Jarosław 1874, s. 316.

²³ ПСЗРИ, т. 6 (1720–1722), № 4021.

²⁴ Г. Истомина, *Постановления имп. Екатерины II относительно образования духовенства*, „Труды Киевской духовной академии” 1867, № 9, s. 580; М. Хитров, *Наше белое духовенство в XVIII столетии и его представители*, „Странник” 1896, № 8, s. 511–512.

ная власть на протяжении нескольких десятилетий не контролировала выполнение архиереями этих законов.

Итак, „Духовный регламент” не предполагал наличия у школ или академий привилегий и льгот. Этот и другие законодательные акты Российской империи в XVIII в. не давали повода епископам для обращения к власти с целью получения привилегий для учебного заведения. Однако существование этой культурно-образовательной традиции, ориентации на нее в своих конкретных действиях епископов, возглавлявших украинские епархии, подтверждают их обращения к власти. Наиболее примечательными были действия создателя Харьковского коллегіума белгородского епископа Епифания Тихорского²⁵. Он добился от Синода разрешения основать новый монастырь, который вместе с коллегіумом (по образцу Киевского братского монастыря) был назван Покровским Училищным монастырем²⁶. В своем обращении Епифаний апеллировал к статусу Московской и Киевской академий (то есть к существующей модели), а не к положениям „Духовного регламента”. И совершенно в духе средневековой европейской традиции выглядит обращение Епифания Тихорского к императрице Анне Иоанновне с прошением выдать грамоту для подкрепления школы. Эта просьба очень примечательна. С одной стороны, она свидетельствует, что Епифаний Тихорский ориентировался на существовавшую на украинских землях образовательную традицию (получение привилегий от власти) и именно ее хотел воплотить в жизнь. Одновременно это говорит о том, что хотя законодательная база для деятельности духовных школ в Российской империи была создана, имелись реальные и длительное время непреодолимые на практике трудности основания и деятельности этих школ. Завершая свое обращение в Синод Епифаний Тихорский просил „выдать грамоту” для „лучшего и фундаментального” устройства школы, чтобы в грядущие времена его преемникам были созданы возможности „содержать оные школы крепко и ни в чем нерушимо”. Обращение было составлено настолько виртуозно, что Епифаний Тихорский эту грамоту вскоре получил.

²⁵ Epifanij Tichorowskiј był wykładowcą Kijewo-Mohylańskiej Akademii, potem biskupem biełgorodzkiem i obojańskim (do tego biskupstwa należała terytorium Ukrainy Słobodzkiej) [przyр. aut.].

²⁶ *Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи*, 1-а серия, Санкт Петербург 1879, т. VI (od 8 maja 1727 do 16 stycznia 1730), № 2217.

Жалованная грамота Харьковскому коллегиуму от Анны Иоанновны от 16 марта 1731 г. позволяла учить детей разных сословий, фиксировала привилегию учить детей не только пиитике, риторике, но философии и богословию, учреждала „свободное учение“, позволяла судить преподавателей и учеников, а также защищала от вмешательства военной и светской власти²⁷. Весь комплекс был назван в грамоте „Харьковским училищным Покровским монастырем“. Обращаем внимание, что это единственный случай в Российской империи, когда монастырь был создан „на базе“ возникшей ранее школы, а не наоборот. Примечательно также, что текстуально эта грамота очень близка к Жалованной грамоте Киево-могилянскому коллегиуму 11 января 1694 г., которая была подтверждена Петром I (26 сентября 1701 г.)²⁸. Хотя исследователи неоднократно говорили о том, что Киево-Могилянская академия была образцом для других учебных заведений, в том числе и других коллегиумов, не было проведено сравнительного анализа конкретных юридических актов, определявших их статус. Сравнение грамот позволяет говорить о близости правовых конструкций, в которых были зафиксированы привилегии, предоставлявшиеся этим учебным заведениям и последовательность их изложения (некоторые предложения полностью совпадают). Вероятно, текст этой грамоты также был подготовлен самим Епифанием и, как и в предыдущем случае, узаконен высшей властью. Совершенно очевидно, что Епифаний Тихорский имел возможность обратиться непосредственно к тексту Жалованной грамоты Киево-могилянскому коллегиуму, ориентировался на него, составляя свой текст. В результате полученной грамоты статус Харьковского коллегиума соответствовал статусу академии и был юридически закреплен. Если же сравнить эти права с устоявшимися представлениями и юридической практикой оформления правового статуса европейских университетов, можем констатировать их близость к „академической свободе“ в ее средневековом (корпоративном) понимании. Обращаем внимание на то, что при сравнительном анализе важно придерживаться сопоставления грамот институций раннего Нового времени с соответствующей доклассической стадией европейского университета. К сожалению, в научной литературе возникла путаница, поскольку нередко православные коллегиумы сравнивали с „классическими“ университетами,

²⁷ ПСЗРИ, т. VIII (1728–1732), № 5716.

²⁸ *Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов*, Kijów 1846, т. 2, s. 320–321, s. 325–334.

черты которых начинают формироваться с середины XVIII в., а становление приходится на начало XIX в.

Можно с уверенностью говорить о том, что руководство православных коллегий характеризует стремление к получению грамот, которые бы защищали права этих учебных заведений. Не случайно и в последующие годы оно неоднократно обращалось к власти с просьбами, направленными на обеспечение деятельности учебных заведений, льгот преподавателей и учащихся. Например, ректор Харьковского коллегия Митрофан Слотвинский²⁹ в 1743 г. хлопотал перед Синодом, чтобы преподаватели подлежали только академическому суду, а не светским чиновникам (кроме криминальных дел)³⁰. Для того, чтобы обеспечить выполнение привилегий коллегий, которые были зафиксированы в грамотах, архиереи издавали указы по епархии. Некоторые из них очень интересны поиском путей „встраивания” коллегий в реалии жизни. Например, указ белгородского епископа Петра Смелича (1737 г.), согласно которому духовенство города Харькова обязывалось расквартировать у себя в домах по 2–3 ученика коллегия и присматривать за ними³¹. Одновременно духовенство освобождалось от постоевой повинности. Епископ направил соответствующие промемории в губернскую, воеводскую и воинскую канцелярии, которые запросили сведения о духовных особах и числе учеников, которые были у них размещены³².

С точки зрения перенесения на украинские земли „западной” традиции финансового обеспечения университетов и коллегий весьма показательны и обращения к власти с просьбой выдать грамоты на земли (грунты). Так, ректор Харьковского коллегия Митрофан Слотвинский 17 сентября 1735 г. обратился к императрице с просьбой выдать окружную грамоту на коллегийские земли³³. (Московский университет также демонстрировал желание иметь земельные вла-

²⁹ Mitrofan Słotwiński uczył się w Kijewo-Mohylańskiej Akademii, Lwowskim Kolegium Jezuickim, był rektorem Kolegium Charkowskiego, Akademii Moskiewskiej, potem został biskupem twerskim.

³⁰ *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода* [далее: ОДД], Sankt Petersburg 1911, t. 23 (1743 r.), stołb 297.

³¹ *Духовно-нравственная деятельность православного русского духовенства*, „Курские епархиальные ведомости”, часть неофициальная, 1874, № 14, s. 670–671; № 16, s. 762–765.

³² *Некоторые сведения о духовных школах*, „Курские епархиальные ведомости”, часть неофициальная, 1873, № 14, s. 670; № 16, s. 762.

³³ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге [далее: РГИА], zesp. 796: Канцелярия Синода (1721–1918), inw. 16, sygn. 321, k. 1.

дения по примеру европейских университетов³⁴). Известно, что преподаватели коллегіумов пользовались доходом от церквей, к которым многие из них были приписаны (напрашиваются параллели с бенефициями, которыми пользовались профессора средневековых европейских университетов). Фактически именно такие решения руководства православных коллегіумов создали условия для существования этих учебных заведений, поскольку в „Духовном регламенте” механизм материального обеспечения школ был выписан нечетко.

История коллегіумов демонстрирует и широко распространенную практику благотворительных пожертвований. Особенно значительные владения (земли, сенокосы, пасеки, мельницы и т.п.) благодаря этим пожертвованиям сложились в Харьковском коллегіуме³⁵. Кроме многочисленных даров от широкого круга лиц из разных слоев общества, у православных коллегіумов были и меценаты, которые на начальных этапах передали земельные владения. Их деятельность можно сравнить с деятельностью вельмож, которые предоставили фондуши и заботились о европейских университетах. Таким меценатом Черниговского коллегіума называют Ивана Мазепу. В книге „Зерцало от Писанія Божественного” (Чернигов, 1705), содержащей посвящение гетману, в предисловии к читателю отмечена его помощь, благодаря которой в 1705 г. стало возможным перестроить помещение коллегіума³⁶. Меценатом и защитником Харьковского коллегіума был князь генерал-фельдмаршал М.М. Голицын, который подарил коллегіуму села, оказывал разнообразную поддержку (со временем его дело продолжили его потомки)³⁷. К сожалению не сохранились подлинники его распоряжений, которые по сути являлись охранными грамотами, но некоторые из этих документов изучали (и частично публиковали) исследователи XIX в. Так, 19 марта 1730 г. М. М. Голицын издал распоряжение, которым защищались земельные владения Харьковского коллегіума, в котором приказывалось, чтобы никто без денег у коллегіума ничего не брал, если же кто-то этот приказ нарушит, предполагалось наказание „высшим – под опа-

³⁴ И. П. Кулакова, *Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века*, Moskwa 2006, s. 263.

³⁵ Patrz szczegółowiej na ten temat: Л. Ю. Посохова, *Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.)*, Charków 1999, s. 25–28.

³⁶ С. І. Маслов, *Етюди з історії стародруків*, Kijów 1925, s. 57–58.

³⁷ Л. Ю. Посохова, *Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.)...*, dz.cyt., s. 22–25.

сением воинского суда, а нижним – наказания на теле, по силе преступления”³⁸.

Таким образом, православным коллегиям Российской империи в XVIII в. удалось сохранить особенности своего статуса. При этом важно отметить, что руководство коллегий отличало достигнутый статус от положения, в котором находились духовные епархиальные (архиерейские) школы и семинарии. Это иллюстрирует такой пример. Указом от 24 января 1737 г. во всех епархиях Российской империи должен был начаться сбор сведений о наличии в каждой из них духовных школ, числа учеников, учебных дисциплин и доходов школ³⁹. В соответствии с указом епископы должны были ежегодно посылать такие сведения в Синод. Однако епископы украинских епархий отказывались предоставить эти сведения. Еще в 1727 г. руководство Черниговского коллегия, отвечая на требование Синода сообщить число учеников, писало, что этих учеников нельзя записывать, поскольку они являются свободными людьми⁴⁰. В ответ на решительные шаги по централизации школьного дела, в одном из донесений Киевской академии в Синод (1738 г.) свой отказ подать сведения обосновывали тем, что в школах принимают свободных людей, которые сколько хотят, столько и учатся, а при желании переходят в другие школы (Черниговские, Харьковские) и за границу, а все привилегии академии, по примеру иностранных училищ, закреплены высококомандарскими грамотами⁴¹. Официальная переписка по этому поводу зафиксировала существование на практике такой важной привилегии как свободное передвижение членов коллегийских корпораций, на которое, по мнению руководства коллегий, в данном случае и посягал Синод.

В 1730-е – 1740-е гг. и несколько последующих десятилетий общим имперское руководство формулировало так сказать „государственный заказ” в отношении сословной духовной школы в самых общих чертах. Именно это делало возможным то, что местные архиереи обустроивали епархиальные школы по собственному усмотрению вплоть до начала XIX в.⁴² Это позволяло православным коллегиям сохра-

³⁸ Сут. за: Д. Федоровский, *Очерк истории Харьковского духовного коллегия*, „Духовная беседа” 1863, т. 18, № 23, с. 177–178.

³⁹ Амвросий, *История Российской иерархии: в 6 ч., cz. 1*, Moskwa 1807, s. 435–436.

⁴⁰ ОДД, т. 7 (1727 г.), stołb 136.

⁴¹ ОДД, т. 18 (1738 г.), stołb 615.

⁴² Б.В. Титлинов, *Духовная школа в России в XIX столетии*, wyd. 1: *Время Комиссии Духовных Училищ*, Wilno 1908, s. 6.

нять *status quo*, продолжать существование в тех формах и с той внутренней организацией, которую они имели в предшествующий период. Показательно, что в 1730-е – 1740-е гг. как в местной делопроизводительной документации⁴³, так и в синодальной, православные коллегииумы нередко называли „академиями”⁴⁴.

В последующие десятилетия XVIII в. права православных коллегииумов, закрепленные в ряде актов, не были отменены каким-либо законодательным актом, но их применение становилось все более затруднительным в связи с теми изменениями, которые происходили в Российской империи (процессы инкорпорации украинских земель, ликвидация Гетманщины и полкового устройства, секуляризация церковного землевладения, централизация управления и унификация законодательства, и т.д.). Поэтому понятно, что когда в 1769 г. руководство Харьковского коллегииума поставило вопрос о необходимости подтверждения жалованной грамоты, и было решено отправить представителя в Петербург, никакого дальнейшего развития эта история не получила⁴⁵. В этом же ряду стоит указ белгородского епископа Феокиста Мочульского 25 мая 1790 г. о запрещении названия „Харьковский коллегииум” и его замене на название „Харьковская семинария”. Однако этот указ вызвал бурное несогласие со стороны коллегииума и местного общества⁴⁶. Руководство коллегииума никак не хотело использовать название „семинария”, считая его унижительным и обидным⁴⁷. В ответ на многочисленные обращения к власти Харьковский коллегииум получил разрешение сохранить свое название. После этого названия „коллегииум” и „семинария” существовали параллельно, хотя постепенно новое наименование все чаще стало применяться в церковной среде. Название „Харьковский коллегииум” использовалось вплоть до 1841 г., в XIX в. это был единственный „коллегииум” в империи.

⁴³ Центральный державний історичний архів України в м. Києві, zesp. 1973, inw. 1, sygn. 1477, ark. 1; zesp. 2007, inw. 1, sygn. 24, ark. 10; zesp. 2009, inw. 1, t. 1, sygn. 200, ark. 2; sygn. 600, ark. 1; Государственный архив Курской области (m. Kursk, Federacja Rosyjska), zesp. 186, inw. 1, sygn. 33.

⁴⁴ РГИА, zesp. 796, inw. 20, sygn. 251; inw. 22, sygn. 175; inw. 23, sygn. 804; ОДД, t. 15 (1735 г.), stołb 469; t. 16 (1736 г.), stołb 114, 262.

⁴⁵ П. Солнцев, *Очерк истории Харьковского коллегииума*, Charków 1881, s. 55.

⁴⁶ А. С. Лебедев, *Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности*, Charków 1902, s. 228.

⁴⁷ Ф. И. Титов, *Феокист Мочульский, архиепископ Курский*, „Труды Киевской духовной академии” 1894, № 1, s. 70.

В целом, статус православных коллегіумов, каким он был зафиксирован в актовой документации Российской империи в XVIII в. можно сопоставить со статусом иезуитских коллегіумов (которые имели высшие классы), а также „неполных” университетов Западной и Центральной Европы. Очевидно, что коллегіумы имели потенциал для дальнейшего развития и превращения в „полный” университет доклассического типа. Однако этого не произошло, им не хватило для этого „исторического времени”. В начале XIX в. при реформировании духовного образования в Российской империи им была отведена роль духовных семинарий – специальных учебных заведений среднего звена. И тем не менее „западная” культурно-образовательная традиция, воплотившаяся в актовой документации Российской империи XVIII в., и закрепившаяся, по примеру коллегіумов и университетов Западной и Центральной Европы, академические и корпоративные права православных коллегіумов, является важной страницей не только истории образовательных учреждений, но и истории дипломатики на восточнославянских землях.

Ludmiła Posochowa

Dokumenty kolegiów prawosławnych Ukrainy XVIII wieku. Tradycja zachodnia i realia imperium

Streszczenie

Powstanie takiego fenomenu jak kolegium prawosławne miało miejsce w toku transferu i adaptacji europejskich form kształcenia. Kolegia te istniały tylko na ukraińskich ziemiach Imperium Rosyjskiego od XVII do XVIII wieku i genetycznie były związane z kolegiami jezuickimi Rzeczypospolitej. Akta tych kolegiów w pełni wyrażają kulturowe i oświatowe tradycje Zachodniej i Środkowej Europy, pod wpływem których powstawały, ale też nowe warunki i procesy zachodzące na ziemiach ukraińskich Imperium Rosyjskiego w tym czasie. Właśnie ścieraniu się i wzajemnemu oddziaływaniu zachodniej tradycji i realiów imperium, widocznych w dokumentacji aktowej, została poświęcona ta praca. Status kolegiów prawosławnych, widoczny w dokumentach z XVIII wieku, można porównać do pozycji kolegiów jezuickich z wyższymi klasami lub do niepełnych uniwersytetów Zachodniej i Środkowej Europy.

Ludmila Posokhova

Documents orthodox colleges of Ukraine eighteenth century. “Western” tradition and the realities of empire

Summary

The creation of such a phenomenon as “college Orthodox” took place in the course of the transfer and adaptation of European forms of education. These colleges existed only on the Ukrainian territory of the Russian Empire in XVII–XVIII centuries and have a genetic relationship with the Jesuit colleges of the “Republic both Nations”. Documents of those colleges fully express their cultural and educational traditions of Western and Central Europe, which were created under the influence, but also to new conditions and processes in the Ukrainian lands of the Russian Empire at that time. It is abrasion and interaction of the Western tradition and the realities of empire visible in the documentation acts has been devoted to this work. Status orthodox colleges visible in the documents of the eighteenth century can be compared to the position of the Jesuit colleges of higher classes or incomplete universities in Western and Central Europe.